

болтать какой-нибудь тошнотворный вздор и самому себе быть противным!» [12]

Эта интеллектуальная честность, ставшая одной из основ скептического взгляда на мир, в определенной мере продолжала еще «линию Сократа», осмелившегося воскликнуть: «Я знаю, что ничего не знаю», имея ввиду, что его собственные знания весьма ограничены и очень далеки от постижения основ сущего.

Конечно же, скептицизм не беспорочен. Мало того, в периоды, требующие четких идей, которые могли бы быть начертаны на знаменах массовых движений, требовалось совсем иное, нежели всеобъемлющее Сомнение и вездливый анализ. Но, тем не менее, скептицизм с его логическими приемами (тропами) и отказом принимать что-либо на веру, был и остается своего рода интеллектуальным душем, позволяющим человечеству раз за разом смывать с себя пыль догм, и одновременно набором инструментов, дающим возможность возводить плотины сомнений на пути слухов, легковерных и дутых сенсаций, а то и явных мистификаций. Думается, что в

эпоху информационных войн осмысление опыта скептиков может немало помочь, каждому, кто, вбирая в себя потоки информации, хотел бы при этом сохранить трезвость мысли и оказаться незатянутым в водоворот поп-культуры и поп-политики.

ЛИТЕРАТУРА

1. Таранов П.С. 106 философов. – Симферополь: Таврия, 1995. Т. с.292.
2. Там же, с.194.
3. Там же, с.159.
4. Секст Эмпирик. Сочинения в двух томах. – М.: Мысль, 1976, т.1, с.251.
5. Там же, сс.252 м- 253.
6. Там же, с.237.
7. Там же, сс.35 – 36.
8. Лукиан. Избранное – М.: Художественная литература, 1987., с.303.
9. Там же, с..317.
10. Там же, с.323.
11. Диоген Лаэртский. О жизни, учениях и изречениях знаменитых философов. – М.: Мысль., 1979. сс.383 – 385.
12. Таранов П.С. Указ. соч., сс.347 – 348.

Грудупс К.Я., студентка

Костанайский государственный педагогический институт

ЧЕЛОВЕК: ЕГО СПОСОБНОСТЬ К ДОБРУ И ЗЛУ (ОБЗОРНЫЙ АНАЛИЗ РАБОТЫ Э. ФРОММА «ДУША ЧЕЛОВЕКА»)

Эрих Фромм (1900–1980), немецко-американский философ, психолог и социолог, представитель неофрейдизма – видный мыслитель XX столетия. Его философская антропология включает в себя психоаналитические, экзистенциальные, собственно антропологические, марксистские идеи, а так же древние мистические традиции и идеи восточного оккультизма. Многие философские течения, в том числе экзистенциализм, персонализм, герменевтика, социобиоло-

гия, впитали в себя его открытия и духовные приобретения. Он дал импульс развитию гуманистического мышления нашего века [1, с.749].

Фромм полагал, что основной подход к изучению человеческой личности должен состоять в понимании отношения человека к миру, к другим людям, к природе, к самому себе. Он обосновал возможности разностороннего совершенствования человека как живого, мыслящего существа. В наследии Фромма имеются идеи об

исторической обусловленности страстей и переживаний человека, о социальном характере как отражении сплава биологических и культурных факторов, о неизбежности универсального, всепланетного гуманизма. П.С. Гуревич считал, что «ренессанс антропологического мышления в нашем веке в огромной степени подготовлен работами Эриха Фромма», – и пояснял: «О чем бы он ни писал – о бытии, власти, государстве, деспотии, культуре, нации, – собственное рассуждение он начинает с человека» [2, с.832].

Фромм стремится анализировать сложные социальные явления, вскрывая изначальные психические потребности человека и вырастающие на этой основе типы общения, типы ориентации и патологические характеры. В данной работе мы рассмотрим взгляды Э. Фромма на природу человека, изложенные в его труде «Душа человека». «Одни полагают, что люди – это овцы, другие считают их хищными волками, – пишет Фромм. – Обе стороны могут привести аргументы в пользу своей точки зрения. Тот, кто считает людей овцами, может указать хотя бы на то, что они с легкостью выполняют приказы других людей, даже в ущерб себе» [3, с.16]. Он может также добавить, что «люди снова и снова следуют за своими вождами на войну, которая не дает им ничего, кроме разрушения, что они верят любой несурянице, если она излагается с надлежащей настойчивостью и подкрепляется авторитетом властителей – от прямых угроз священников и королей до вкрадчивых голосов более или менее тайных оболъстителей» [3, с.26-27]. Кажется, что большинство людей, подобно дремлющим детям, легко поддается внушению и готово безвольно следовать за любым, кто, угрожая или заискивая, достаточно упорно их уговаривает. Человек с сильными убеждениями, пренебрегающий воздействием толпы, скорее исключение,

чем правило. Он часто вызывает восхищение последующих поколений, но, как правило, является посмешищем в глазах своих современников.

Однако Фромм тут же замечает, что если большинство людей – овцы, то почему они ведут жизнь, которая этому полностью противоречит? История человечества написана кровью. Это история никогда не прекращающегося насилия, поскольку люди почти всегда подчиняли себе подобных с помощью силы. Он справедливо указывает на то, что Талаат-паша не сам убил миллионы армян, и Гитлер не один убил миллионы евреев, а Сталин – миллионы своих политических противников. «Эти люди были не одиноки, – говорит Фромм, – они располагали тысячами других людей, которые умерщвляли и пытали, делая это не просто с желанием, но даже с удовольствием» [3, с.78]. Такой мыслитель, как Гоббс из всего этого сделал вывод: *homo homini lupus est* – человек человеку – волк. И сегодня многие из нас приходят к заключению, что человек от природы является существом злым и деструктивным, что он напоминает убийцу, которого от любимого занятия может удержать только страх перед более сильным убийцей. Фромм находит этому явлению другое объяснение, которое заключается в том, что меньшинство волков живет бок о бок с большинством овец. Волки хотят убивать, овцы хотят делать то, что им приказывают. Волки заставляют овец убивать и душить, а те поступают так не потому, что это доставляет им радость, а потому, что они хотят подчиняться. Кроме того, чтобы побудить большинство овец действовать, как волки, убийцы должны придумать истории о правоте своего дела, о защите свободы, которая якобы находится в опасности, о мести за детей, заколотых штыками, об изнасилованных женщинах и поруганной чести. Этот ответ звучит убедительно, но и

после него у Э. Фромма остается много сомнений, и он ставит следующий вопрос: не означает ли он, что существуют как бы две человеческие расы – волки и овцы? И дальше: если это не свойственно их природе, то почему овцы с такой легкостью соблазняются поведением волков, когда насилие представлено в качестве их священной обязанности? Может быть, сказанное о волках и овцах не соответствует действительности? Может быть, и в самом деле отличительным свойством человека является нечто волчье и большинство просто не проявляет этого открыто? А может, речь вообще не должна идти об альтернативе? Может быть, человек – это одновременно и волк, и овца, или он – ни волк, ни овца? Понятно, что вопрос о том, является ли человек волком или овцой, – это лишь заостренная с помощью образов формулировка вопроса, который является основополагающим в социальной антропологии и этике, а именно: что есть человек – является ли он по своему существу злым и порочным, или он добр по своей сути и способен к самосовершенствованию? Таким образом, следуя по цепи вопросов, Фромм раскрывает глубину затронутой проблемы. И чем дальше он продвигается, тем больше глобальные вопросы встают на его пути. Это вынуждает его проанализировать проблему в историческом разрезе. С точки зрения Ветхого завета человек способен и к хорошему, и к дурному, он должен выбирать между добром и злом, между благословением и проклятием, между жизнью и смертью. Бог никогда не вмешивается в это решение. Он помогает, посылая своих посланцев, пророков, чтобы наставлять людей, каким образом они могут распознавать зло и осуществлять добро, чтобы предупредить их и возражать им. Но после того как это уже свершилось, человек остается наедине со своими «двумя инстинктами» – стремлением к добру

и стремлением к злу, теперь он сам должен решать эту проблему.

Развитие христианства шло иначе. По мере становления христианской веры появилась точка зрения, согласно которой неповиновение Адама было грехом, причем настолько тяжким, что он погубил природу самого Адама и всех его потомков. Теперь человек не мог больше собственными силами освободиться от этой порочности. Только акт божьей милости, появление Христа, умершего за людей, может уничтожить эту порочность и спасти тех, кто уверует в него.

Мыслители Ренессанса, а позднее Просвещения отважились на заметный шаг в противоположном направлении. Последние утверждали, что все зло в человеке является лишь следствием внешних обстоятельств, и потому в действительности у человека нет возможности выбора. Они полагали, что необходимо лишь изменить обстоятельства, из которых произрастает зло, тогда изначальное добро в человеке проявится почти автоматически. Эта точка зрения повлияла также на мышление Маркса и его последователей [4, с.36]. Моральное банкротство Запада, начавшееся с первой мировой войны и приведшее через Гитлера и Сталина, через Ковентри и Хиросиму к нынешней подготовке всеобщего уничтожения, наоборот, повлияло на то, что снова стала усиленно подчеркиваться склонность человека к дурному. По существу, это была здоровая реакция на недооценку врожденной склонности человека творить зло.

С другой стороны, слишком часто это служило причиной осмеяния тех, кто не потерял еще своей веры в человека, причем их точка зрения понималась ложно, а подчас и намеренно искажалась [5, с.253]. Фромм видит опасность в том, что чувство бессилия, охватывающее сегодня как интеллигента, так и среднего человека, может привести к тому, что они

усвоят новую версию порочности и первородного греха и используют ее для рационализации взгляда, согласно которому война неизбежна как следствие деструктивности человеческой природы. «Подобная точка зрения, – пишет он, – нередко козыряющая своим необыкновенным реализмом, является заблуждением по двум причинам. Во-первых, интенсивность деструктивных устремлений ни в коем случае не свидетельствует об их неодолимости или даже доминировании. Во-вторых, предположение, что войны являются в первую очередь результатом действия психологических сил, ошибочно» [3, с.102-103]. Не стоит, однако, думать, что Фромм, обладающий длительным опытом практикующего психоаналитика, может недооценивать деструктивные силы в человеке. Он, видя эти силы в действии у тяжело больных пациентов, конечно же, знает, насколько трудно бывает приостановить или направить их энергию в конструктивное русло, но все же он настаивает на том, что войны возникают по решению политических, военных и экономических вождей для захвата земель, природных ресурсов или для получения торговых привилегий, для защиты от реальной или мнимой угрозы безопасности своей страны или для того, чтобы поднять свой личный престиж и стяжать себе славу. Эти люди не отличаются от среднего человека: они эгоистичны и едва ли готовы отказаться от собственных преимуществ в пользу других, но вместе с тем они не выделяются ни особой злобностью, ни особой жестокостью. Когда такие люди, которые в нормальной жизни скорее содействовали бы добру, чем злу, приходят к власти, повелевают миллионами и располагают самым страшным оружием разрушения, они могут нанести огромный вред. В гражданской жизни они, вероятно, разорили бы конкурента.

В нашем мире могучих и суверенных государств (причем «суверенный» означает: не подчиняющийся никаким моральным законам, которые могли бы ограничить свободу действий суверенного государства) они могут искоренить всю человеческую расу [6, с.136]. Исходя из всего вышесказанного, Э. Фромм делает следующий вывод: главной опасностью для человечества является не изверг или садист, а нормальный человек, наделенный необычайной властью. Итак, ответив на первый вопрос: человек – волк или овца, Фромм поднимает следующую тему: что лежит в основе ценностной системы человека и направляет его действия [3, с.102].

Остановимся на трех феноменах, которые лежат в основе наиболее вредной и опасной формы человеческого ориентирования: на любви к мертвому, закоренелом нарциссизме и симбиозно-инцестуальном влечении. Взятые вместе, они образуют «синдром распада», который побуждает человека разрушать ради разрушения и ненавидеть ради ненависти.

Обсудим «синдром роста», который состоит из любви к живому, любви к человеку и к независимости. Лишь у немногих людей один из этих двух синдромов получил полное развитие. Однако нет сомнения в том, что каждый человек движется в определенном, избранном им направлении: к живому или мертвому, к добру или злу.

В результате своих теоретических исследований Фромм приходит к следующим выводам.

1. Зло – это специфический человеческий феномен. Во зле человек теряет сам себя при трагической попытке освободиться от тяжести своего человеческого бытия.

2. Степени зла соответствует степень регрессии. Наибольшим злом являются те побуждения, которые направлены против жизни: любовь к мертвому; инцестуально-симбиозные

устремления возвратиться в лоно матери, к земле, к неорганическому; нарциссическое самопожертвование, которое делает человека врагом жизни именно потому, что он не может покинуть тюрьму своего собственного «Я».

3. Зло также существует и в меньшей степени, что соответствует и меньшей регрессии. В таком случае речь идет о дефиците любви, разума, о недостатке интереса и нехватке мужества.

4. Человек склонен идти назад и вперед, иначе говоря, он склонен к добру и злу. Когда обе склонности еще находятся в равновесии, он свободен выбирать, если предположить, что он может осознать свою ситуацию и способен к серьезным усилиям. Тогда он может выбирать между альтернативами, детерминированными, со своей стороны, общей ситуацией, в которой он находится. Однако если его сердце ожесточилось до такой степени, что его склонности больше не уравновешены, он больше не свободен в выборе. В цепи событий, которые ведут к утрате свободы, последнее решение обычно не дает человеку возможности свободного выбора; при первом решении еще существует возможность, что он свободно выберет путь к добру, если предположить, что он сознает значение этого первого решения.

5. Вплоть до точки, в которой у него больше нет свободы выбора, человек ответствен за свои действия. Но ответственность является только этическим постулатом, и часто речь идет лишь о рационализации желания авторитарных инстанций иметь возможность наказывать человека. Именно потому, что зло есть нечто вообще человеческое, ибо оно представляет потенциал регрессии и потерю нашей гуманности, оно живет в каждом из нас. Чем больше мы осознаем это, тем

меньше мы в состоянии сделаться судьями над другими людьми.

6. Все мы детерминированы тем, что родились людьми и потому всегда стоим перед задачей принимать решения. Вместе с нашими целями мы должны выбирать и наши средства. Мы не можем полагаться на то, что кто-то нас освободит, но мы должны постоянно сознавать тот факт, что неправильные решения отнимают у нас возможность освободить самих себя.

Мы должны на деле достичь осознания самих себя, чтобы иметь возможность выбрать добро, но это самосознание не поможет нам, если мы потеряли способность быть до глубины души взволнованными бедой другого человеческого существа, дружеским взглядом, пением птиц и свежей зеленью травы. Если человек равнодушен к жизни, то больше нет надежды, что он выберет добро. Его сердце действительно ожесточилось настолько, что его «жизнь» закончилась. Если бы это случилось со всей человеческой расой или ее наиболее могущественными членами, это могло бы привести к угасанию жизни человечества в ее самый многообещающий момент.

ЛИТЕРАТУРА

1. Философский энциклопедический словарь. – М., – 1983.
2. Гуревич Г.С. Философия. – М., – 2004.
3. Э. Фромм. Душа человека. – М.: «Республика», 1992.
4. Г.Д. Марцинковская, М.Г. Ярошевский «100 выдающихся психологов мира» Москва, изд. «Институт практической психологии» 1995г.
5. Сухомлинский В.А. Трудные судьбы. – М., «Знание», 1969.
6. Психологический словарь/ Под общей ред. А.В. Петровского, М.Г. Ярошевского – М.: Политиздание, – 1990.